

С. А. Симонович

**СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ МИФА ОБ ЭДИПЕ
В КАЧЕСТВЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДРАМАТУРГИИ XX ВЕКА**

Понятие прецедентного текста (ПТ), введённое Ю. Н. Карауловым, обозначает тексты, обладающие особой значимостью для личности или социума, широко известные и часто воспроизводимые. Они служат основой для новых интерпретаций, что особенно ярко проявляется в переосмыслении мифа об Эдипе в западноевропейской культуре. XX век, отмеченный кризисом рациональности, влиянием психоанализа и экзистенциализма, обратился к античному наследию как к источнику философских и художественных поисков. Миф об Эдипе, благодаря своей универсальности, стал ключевым ПТ, отражающим эволюцию представлений о судьбе, свободе и природе человека.

Классическая версия мифа представлена в трагедии Софокла «Царь Эдип», где судьба героя предстаёт как неизбежный рок. Эдип, стремящийся избежать пророчества, невольно его исполняет, что подчёркивает конфликт между свободной волей и предопределением. Его трагедия – в неведении, а самоослепление становится актом прозрения и принятия ответственности. Софокл создал архетип «жертвы-просветителя», чья борьба, несмотря на поражение, возвышает человека перед лицом божественной воли.

В XX веке миф получает новые трактовки. Андре Жид в пьесе «Эдип» (1931) переосмысливает его в духе экзистенциализма: судьба превращается в осознанный выбор. Его Эдип – не пассивная жертва, а бунтарь, принимающий свою «преступную» природу. Ослепление здесь – не наказание, а отказ от иллюзий, шаг к внутренней свободе.

Жан Кокто в «Адской машине» (1934) идёт ещё дальше, изображая Эдипа марионеткой в руках безликой судьбы-механизма. Его герой инфантилен и пассивен, а трагедия лишается героического пафоса, становясь символом абсурда и бессмысленности человеческого существования. Кокто отражает пессимизм эпохи, когда старые мифы о героизме дискредитированы войнами и кризисом рациональности.

Таким образом, эволюция образа Эдипа – от трагического героя Софокла к бунтарю Жида и антигерою Кокто – демонстрирует смену культурных парадигм: от принятия судьбы к экзистенциальной свободе и, наконец, к абсурду. Миф сохраняет статус прецедентного текста, адаптируясь к вызовам времени и подтверждая свою универсальность в осмыслении ключевых вопросов человеческого бытия.